

— Тетя, садитесь удобнее, закатайте рукав и положите запястье сюда.

Опытные движения и серьезный вид Лю Сычэня заставили женщину на мгновение замереть, но затем она послушно села, выполняя его указания.

Маленькая белая ручка Лю Сычэня легла на грубую, загорелую руку женщины, которая явно привыкла к тяжелому труду. Кожа была шероховатой, вены выступали, а костяшки пальцев были крупными.

Пока он измерял пульс, Лю Сычэнь задавал вопросы:

— Как аппетит? Покажите язык. Ой, смотрите, какой белый налет! Часто ли кружится голова? Кружится? А сколько раз в день? Три раза? Вы что, головокружение за еду принимаете?

Пациентка то и дело смеялась над его выходками, но сам Лю Сычэнь сохранял серьезное выражение лица, даже слегка сердясь, когда кто-то смеялся.

— Я же пульс измеряю. Смеяться нельзя, потерпите.

Закончив с пульсом, он с важным видом приложил стетоскоп к ее груди, измерил давление, а перед самым окончанием попросил её лечь, чтобы проверить живот и надавить на суставы.

В конце он взял бланк и начал писать, параллельно делая выводы:

— Вижу, что у вас, похоже, сердце послабее. Как давно у вас учащенное сердцебиение?

— Ой, маленький доктор, ты и вправду что-то понимаешь! Дело в том, что вот уже месяц у меня постоянно сердце колотится, иногда даже так «бум-бум» стучит. Я до смерти перепугалась, это не вдруг болезнь сердца?

Женщина схватилась за грудь, на глазах выступили слезы, а её крупные руки, сжимавшие ладошку Лю Сычэня, задрожали.

— Успокойтесь, ничего серьезного. Вы давно не отдыхали как следует? У вас климакс, нужно больше отдыхать, не сидеть допоздна. Если так продолжите, то действительно заработаете сердце.

Лю Сычэнь незаметно высвободил руку и протянул ей рецепт. Он кивнул в сторону кабинета дедушки Чэня, откуда как раз вышел очередной пациент.

— Ой, у меня внук родился, вот уже несколько месяцев ни дня, ни ночи покоя нет. Старость, видимо, не радость, ох-хо-хой.

— Возьмите историю болезни и рецепт, идите внутрь, пусть дедушка Чэнь вас еще раз осмотрит.

Лю Сычэнь помахал рукой, подгоняя её. Затем он кивнул выходящему пациенту, тот тоже кивнул в ответ и вышел с рецептом в руках, выглядящим вполне довольным. На рецепте был почерк Лю Сычэня, а внизу дедушка Чэнь лишь поставил свою размашистую подпись.

Лю Сычэнь с облегчением сел обратно. Он ведь наблюдал: если бы дедушка Чэнь исправил что-то в его рецепте, то его ждал бы «разбор полетов» после работы, а дедушка Чэнь никогда не прощал даже малейших ошибок.

Приходилось не только объяснять суть своей ошибки, но и перечитывать соответствующие книги от корки до корки, а затем находить в архивах дедушки похожие случаи и учить методы их лечения наизусть. А там были десятки, а то и сотни историй болезней.

В доме дедушки Чэня было три комнаты, отведенные под хранение репрезентативных случаев из его практики, включая анамнез, симптомы, этапы лечения, детали рецептов и записи о состоянии пациентов после приема лекарств. Раньше этим занимался сам дедушка Чэнь, но с приходом Лю Сычэня он стал оставлять накопленные за неделю случаи для обработки учеником.

Лю Сычэнь суетился все утро и наконец-то смог отдохнуть во время обеденного перерыва. Он спрятался вместе с дедушкой Чэнем в кабинете. Старик держал в руках чашку женьшеневого чая. Женьшень Лю Сычэню подарил сам, десятилетний выдержки — тот же, которым обычно пользовался дедушка Лю. Для старика этот чай был как нельзя кстати: снимал усталость, питал желудок, увлажнял легкие, защищал печень и улучшал сон.

Дедушка Чэнь пил этот чай раз в два дня, и за последние полгода его лицо стало румянее, дыхание — спокойнее, а спина — крепче. Как врач, он прекрасно понимал пользу женьшеня и поэтому еще больше ценил своего не жадничающего ученика.

Они сидели в креслах, расслабься. Дедушка Чэнь с наслаждением прихлебывал чай, а Лю Сычэнь полулежал в большом кресле, беззаботно похлопывая по сытому животу и щурясь, задремывая.

Когда Лю Сычэнь уже находился в полудреме, в коридоре вдруг раздался оглушительный звон разбитого стекла. Громкий треск, сопровождаемый криками мужчины и женщины, мгновенно нарушил тишину полдня. Лю Сычэнь вздрогнул и проснулся, глядя на дедушку Чэня в полном недоумении.

— Дедушка Чэнь, что случилось?

— Там ссорятся, спи дальше, тебе еще работать днем, — дедушка Чэнь не удивился.

Больница — это место, где лучше всего проверяется человеческая природа. Здесь собрано множество страданий, место расставаний и встреч, где добро и зло обнажены без всяких прикрас. Будь то богатый или бедный, благородный или ничтожный — больница подобна хирургической лампе, высвечивающей темноту в людских сердцах, здесь ничего не скроешь.

Лю Сычэнь отлично понимал, что происходит за дверью. Он попытался успокоиться и продолжить сон, но по мере того как спор мужчины и женщины становился все громче, всё четче слышался плач ребенка.

Слушая этот неистовый, надрывный крик малыша, Лю Сычэнь уже никак не мог уснуть. У него теперь тоже был младший брат, и слышать такие жалобные вопли маленького ребенка было для него невыносимо.

— Дедушка Чэнь, вы отдыхайте, а я выйду посмотрю.

Лю Сычэнь угодливо улыбнулся дедушке Чэню и кивком указал на дверь.

Дедушка Чэнь прищурился, глядя на это «не находящее себе места» поведение, и цокнул языком.

— Иди, только бед не наделай. Не уходи из больницы, вернешься через пятнадцать минут, понятно?

— Понятно, не волнуйтесь.

Лю Сычэнь перебил его бормотание и повернулся к двери.

Он тихо приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Среди полного беспорядка на полу сидела двухтрехлетняя девочка и заливалась громким плачем, а мужчина и женщина стояли рядом и указывали друг на друга, ругаясь матом.

Лю Сычэню не хотелось слушать эти грязные ругательства, он заметил лишь лицо девочки, уже посиневшее от рыданий. Рядом с ней стоял мальчик, примерно одного возраста с Гу Яо. Он сжал губы и наклонился, чтобы поднять сидящую на полу сестру, но она, капризная, несколько раз выскользнула у него из рук.

Лю Сычэнь порылся в кармане и достал молочную конфету. Её прислал дедушка Гуань, и Лю Сычэню всё не жалко было её съесть, поэтому он всегда носил с собой одну-две штуки. Иногда, когда они разогревались и размякали в кармане, он разворачивал одну, чтобы побаловать себя.

Он медленно подошел к брату и сестре, присел на корточки, развернул конфету и сунул её в рот девочке. Девочка с лицом, мокрым от слез, удивленно посмотрела на Лю Сычэня, не понимая, что ей засунули в рот. Но когда sweetness and milk aroma slowly spread, она быстро закрыла рот, втянула в себя содержимое, и её хмурое личико мгновенно озарила яркая улыбка.

— Нельзя ей давать конфеты, она болеет, — мальчик, наблюдавший за этой сценой, был недоволен.

Лю Сычэнь ущипнул девочку за щеку и улыбнулся:

— Я вижу, у неё румянец, и плачет она громко, дышит полной грудью — не похоже на больную.

— Ты же не врач, с чего ты взял, что она не больна?

В этом возрасте мальчики уже начинают понимать по-взрослому, их кругозор расширяется, а мировоззрение формируется, поэтому к таким малышам, как Лю Сычэнь, они относились свысока.

— Посади её на стул, на полу холодно.

На дворе уже был ноябрь, ночная температура опускалась почти до нуля. Такому маленькому ребенку сидеть на полу — одно мучение, здоровым тут не остаться.

— Что у неё за болезнь?

Пока мальчик, используя конфету как успокоительное, усаживал сестру на скамейку в коридоре, Лю Сычэнь подошел поближе, чтобы расспросить.

— Не знаю. Мы возили её в город Хайши и в центр провинции, но мама с папой каждый день ругаются.

Похоже, ему наконец-то выпал шанс выговориться, и мальчик с грустным видом заговорил:

— Ты тоже проходил обследование вместе с ней?

Лю Сычэнь внимательно взгляделся в худощавого мальчика.

Тот скривился:

— Мама настаивала, чтобы я сдавал анализы вместе с ней. Ты не знаешь этого упрянца: если я не иду сдавать кровь, она не успокаивается, как сейчас, катается по полу и требует, чтобы я всё делал первым для примера.

<http://bllate.org/book/16485/1498163>